

Н. А. Миненко

ДОСУГ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ У РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

На характер и структуру досуга — одну из важнейших сторон непроизводительной сферы человеческого бытия (быта) — решающее влияние всегда оказывали уровень развития производительных сил, господствующие на данном этапе производственные отношения и, наконец, «уровень культуры общества в целом и субкультуры его отдельных классов и групп»¹. Этим определяется необходимость конкретно-исторического, дифференцированного подхода к изучению досуга.

Еще в 1969 г. Н. М. Дружинин указывал на особую значимость исследования быта дореволюционных государственных крестьян — «темы, почти не затронутой в исторической литературе»². Однако за прошедшие 10 лет появилась лишь одна работа — монография М. М. Громыко³, в которой повседневная бытовая жизнь русской некрепостной деревни феодального периода нашла сравнительно широкое отражение. В последнем разделе своего оригинального труда М. М. Громыко кратко охарактеризовала и некоторые формы местного сельского досуга (в связи с анализом внутриобщинных и внешних контактов, в которых реализовалась функция общины как хранительницы крестьянских трудовых традиций)⁴. Перед нами стоит задача дальнейшей разработки проблемы, в частности, на материалах такого специфического региона, каким являлась в рассматриваемый период Западная Сибирь.

Источники не очень щедро снабжают исследователя сведениями об «увеселениях» земледельцев феодальной Сибири. Однако на основе документов текущего делопроизводства, суда и следствия и особенно записей наблюдателей — корреспондентов Русского географического общества и периодических изданий XIX в. — все-таки можно воссоздать картину проведения досуга в сибирской деревне.

Распределение крестьянских «увеселений» во времени определялось в первую очередь календарем сельскохозяйственных работ. К середине сентября в Западной Сибири завершалась в основном уборка урожая, и именно тогда открывался «веселый сезон» в жизни деревенской молодежи: начинали устраивать *вечерки*, являвшиеся одной из любимых форм досуга. Ни территориальных, ни сословных ограничений круга присутствующих на вечерке не существовало: приходиться на нее могли званые и незваные⁵.

¹ З. А. Янкова. Формирование личности в быту. — «Социальные исследования», в. 7, М., 1971, с. 19, 20.

² Интервью с академиком Н. М. Дружининым. — «Вопросы истории», 1969, № 6, с. 104.

³ М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

⁴ Там же, с. 323—338.

⁵ С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири. — «Библиотека для чтения», 1848, т. 90, с. 61; Тобольский филиал Гос. архива Тюменской области (далее — ТФ ГАТО), ф. 156, оп. 22, д. 698, л. 10 об. — 11.

Устраивались вечерки и в вечернее, и в дневное время в доме одного из участников. Случалось, откупали за небольшую сумму (или угощение) помещение у кого-либо из односельчан⁶. Обычно подобные собрания молодежи приурочивались к праздникам, однако бывали они и в будние дни и даже во время постов. «Несмотря на то, что я проезжал великим постом,— удивлялся посетивший в середине XIX в. Западную Сибирь И. Белов,— ... молодые люди не только вечерами, но даже и днем собирались в беседы или посиделки»⁷ (речь шла именно о вечерках).

На будничные вечерки молодые пары являлись далеко не всегда; девицы же отправлялись на них «с работой, чаще всего с пряслицей или шитьем». Собравшись, пели протяжные проголосные песни. Игр в это время, по замечанию наблюдателя, «совсем не бывает»⁸.

Праздничной вечерке могли предшествовать длительные приготовления. Организаторы, «особенно бойкие и ловкие крестьянские молодцы», с полудня обходили избы, в которых были незамужние дочери, и приглашали каждую из девиц на предстоящее «увеселение». После этого приглашатели запрягали в сани лошадь и ездили по деревне «с песнями и игрой в гармонику», оповещая таким образом о своей затее остальных односельчан⁹. В некоторых местностях — например на Алтае, в Усть-Ницынской волости Тюменского уезда — и в праздничные дни роль организаторов вечерки отводилась девушкам¹⁰. На таких молодежных собраниях никакого угощения не бывало; время проводили в песнях, играх и плясках под балалайку, скрипку, гармонику, бубен¹¹. Нередко плясали просто под песню. «Песни плясовые,— пишет С. Гуляев,— суть те, под напев которых там, где нет никакого музыканта, пляшут на вечерках...»¹².

«Спирька коломенский,
Зипунишка коротенький,
Рубашеночка во перст толста,
Штанишки из того же холста.
Он и бьется, колотится,
У окошка убивается,
Сиротинкой называется.
Кто бы, кто бы сиротинку пожалел,
Кто бы, кто бы ночевать к себе пустил,
Я б веревочки вызолотил» —

тексты этой и других озорных плясовых песен, бытовавших в середине XIX в. на Иртыше, приводит Г. Н. Потанин¹³.

Плясали, «неоднократно осыпая друг друга поцелуями». Поцелуями сопровождалась и почти все игры на вечерках¹⁴. Каждая из этих игр оказывалась «соединенной» с определенной песней. «В пении,— замеча-

⁶ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 60; Ф. Зобнин. Усть-Ницынская слобода Тобольской губернии.— «Живая старина», 1898, в. II, с. 60; Архив Всесоюзного географического общества (далее — АГО), разряд (далее — р.) 55, оп. 1, д. 53, л. 2.

⁷ И. Белов. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852, с. 11.

⁸ Ф. Зобнин. Указ. раб., с. 61; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 50 об.

⁹ АГО, р. 55, оп. 1, д. 53, л. 2—2 об.

¹⁰ С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 60; Ф. Зобнин. Указ. раб., с. 60, 61.

¹¹ АГО, р. 55, оп. 1, д. 53, л. 2—2 об.; р. 62, оп. 1, д. 4, л. 2; д. 8, л. 22 об.; М. М. Громыко. Указ. раб., с. 328; Т. Успенский. Очерки юго-западной половины Шадринского уезда.— «Пермский сборник», кн. 1, М., 1859, с. 36.

¹² С. И. Гуляев. Указ. раб., с. 60.

¹³ Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении.— «Этнографический сборник, издаваемый РГО», в. VI, СПб., 1864, с. 60, 61.

¹⁴ Там же, с. 62—68; Ф. Зобнин. Указ. раб., с. 61; С. Гуляев. О сибирских круговых песнях.— «Отечественные записки», 1839, т. III, № 5, с. 59—71; Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния, ч. II, СПб., 1864, с. 539.

ет С. Гуляев об алтайских крестьянах,— участвуют все, в игре большею частию двое: молодец и девушка, представляющие, смотря по содержанию игры и песни, мужа и жену или жениха и невесту»¹⁵. Так же обстояло дело в других районах¹⁶. Условия большинства игр требовали, чтобы хор образовывал живой круг, внутри которого и разыгрывалась «драма». Например, под напев песни:

«Посмотрите-ка, добрые люди,
Что жена-то меня, молодца, не любит,
Что живот-сердце ненавидит.
Я поеду во Китай-город гуляти,
Что закупочки закупати,
Я куплю для ней диковинну камочку.
Принимайся, жена, не ломайся.
Посмотрите-ка, добрые люди,
Что жена-то меня, молодца, не любит,
Что злодейка-лиходейка ненавидит.
Я поеду во Китай-город гуляти,
Что закупочки закупати.
Я куплю для ней шелковую да плетку.
Принимайся, жена, не ломайся.
Посмотрите-ка, добрые люди,
Как жена-то меня, молодца, возлюбила»—

пара, изображавшая супругов, медленно «ходила в кружке»; «молодец» ласкался к своей «женушке», заглядывал ей «в ясные очи», но она упорно отворачивалась от него, даже после того как он предлагал ей подарок. Лишь при словах «Я куплю для ней шелковую да плетку» «спесь» «злодейки-лиходейки» пропадала, она сама начинала «ухаживать» за «молодцем», обнимала и целовала его¹⁷.

Наблюдателей поражало разнообразие крестьянских игр на вечерах. В некоторых из них число активно действующих лиц оказывалось значительным. «Игра „олень“,— сообщает, например, С. Гуляев,— затевается почти на каждой вечеринке...»¹⁸. В этом случае хор исполнял песню об олене («Сидит олень под кустичком под ракитовым. Что тепло ли те, олень? Студено ли те, олень? Мне не то тепло. Мне не то студено. Приоденьте меня да прикутайте...»), а кто-нибудь из парней усаживался в центре «кружка» на стул и собирал с остальных фанты— кольца и перстни. Затем этот человек приглашал «думных бояр», спрашивал у них: «Чей фант вынется, что тому делать?» «Бояре» придумывали поручения каждому. «Исполнение приказания бояр,— завершает свой рассказ наблюдатель,— иногда смешит всю беседу, иногда стыдит исполняющего, а иногда и радуется, если поручение состоит в произволе на поцалуи»¹⁹.

Вообще взаимоотношения молодых людей на вечерах были достаточно вольными. Церковь пыталась бороться с вечерами, но, по признанию самих священников, эта форма увеселений «настолько укоренилась в обществе, что ни проповеди, ни строгия взыскания пастырей» не оказывали необходимого воздействия²⁰.

Хотя, как отмечалось, на вечерки могли собираться даже во время великого поста, все же основным «вечерочным сезоном» был период с

¹⁵ С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири, с. 63.

¹⁶ Г. Н. Потанин. Указ. раб., с. 62—68; «Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке». М., 1839, т. I, с. 30, 31.

¹⁷ С. Гуляев. О сибирских круговых песнях, с. 65, 66.

¹⁸ Там же, с. 69.

¹⁹ Там же, с. 69, 70.

²⁰ АГО, р. 55, оп. 1, д. 53, л. 2 об.— 3.

середины сентября до середины ноября (филиппова поста) и с 20-х чисел декабря до конца февраля — начала марта (окончания масленицы) т. е. осень — зима. Особо здесь следует выделить дни с 21 декабря по 5 января, когда, по словам одного из местных жителей, «днем и ночью молодые люди обоего пола собираются на ...игрыща и вечерки, где поют всякие песни и пляшут...»²¹. Общее количество таких молодежных собраний оказывалось различным в разных районах: как правило, вечерки устраивались часто, но в некоторых селениях их бывало всего до пяти в год²². Эта форма крестьянского досуга зафиксирована не только у православного населения, но и у старообрядцев. Один из путешественников (первая четверть XIX в.) сообщает, что в дер. Южаковой Тюменского округа он и его спутники попали на вечерку «к раскольникам и сначала без всякого умысла наделали много тревоги своим табаком. К счастью, все кончилось миролюбивыми объяснениями... Девушки теснились на лавках по стенам, седые бороды торчали с полатей... Игры, представляющие драму в первобытном, младенческом ее состоянии, сменяли одна другую»²³. Как следует из приведенного текста, на вечерках, являвшихся формой досуга незамужней молодежи (посещать их начинали с довольно раннего возраста: в Нарымском крае, например, с 8 лет²⁴), в качестве зрителей могли присутствовать также люди старшего поколения.

Для замужних женщин специфическими общественными формами досуга в рассматриваемое время года (когда крестьяне были свободны от полевых работ) служили *капустки*, *супрядки*, *копотухи* (или «копотихи») и *посиденки* (или «беседки»). Все эти собрания допускали участие «девиц», а в ряде районов — в Тарском округе — капустки, в Зауралье — копотихи, на Алтае — супрядки — и юношей²⁵. На капустки, супрядки и копотухи собирались по инициативе какой-либо домохозяйки, нуждавшейся в рабочей помощи односельчанок. Собрания обязательно завершались угощением всех приглашенных. На капустки — для заготовки на зиму капусты — женщины и девушки созывались в середине — второй половине сентября. В октябре-ноябре в сибирских деревнях устраивались копотухи — на них собирались для первичной обработки льна. Наиболее многочисленными были супрядки (для прядения льна) — на них приглашалось до 50 человек в один дом. Хозяйка заранее раздала *супрятницам* сырье для пряжи, а затем созывала их в один из осенних дней или (чаще) на святках к себе на угощение, куда гости являлись в лучших своих нарядах, с готовыми мотками пряжи. Если хозяйка приглашала и парней, то после угощения начинались пляски, песни, игры, во многом повторявшие вечерочные²⁶.

Посиденки, или *беседки* (вечерние и дневные), устраивали со второй до последней недели великого поста. Лица мужского пола на них не допускались. На *обыкновенные посиденки* сходились крестьянки одной деревни, в будничной одежде, с прялками или шитьем. Устраивались и *нароচিতые посиденки* — когда собирались «по особому зву, даже из даль-

²¹ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 22 об.

²² С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири, с. 60, 61; Х. Мозель. Указ. раб., с. 538, 539; Ф. Зобнин. Указ. раб., с. 60; С. Швецов. Очерк Сургутского края. — «Записки Зап.-Сиб. отдела РГО», кн. X—XI, Омск, 1889, с. 83; П. А. Городцов. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда. — «Ежегодник Тобольского губернского музея», 1916, в. XXVI, с. 13; Т. Успенский. Указ. раб., с. 36.

²³ «Живописное путешествие по Азии...», с. 30.

²⁴ Н. П. Григоровский. Крестьяне-старожилы Нарымского края. — «Записки Зап.-Сиб. отдела РГО», в. 1, Омск, 1879, с. 17.

²⁵ М. М. Громыко. Указ. раб., с. 79, 80; С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири, с. 60, 62; Х. Мозель. Указ. раб., с. 539; Г. Потанин. Полгода в Алтае. — «Русское слово», 1859, № 12, с. 266; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 47 об.

²⁶ С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири, с. 60—81; Х. Мозель, Указ. раб., с. 539; М. М. Громыко. Указ. раб., с. 79, 80; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 47 об.

них деревень, в дом, где есть молодая, вышедшая замуж в прошлое мясоястие». На таких собраниях щеголяли нарядами и обилием разнообразных яств; общение ограничивалось разговорами²⁷. Тут женщины и девушки, по замечанию наблюдателя, «болтают о том — о сем, рассказывают новости, пересуживают подруг и большую часть отсутствующих знакомых»²⁸. Настоящей хозяйкой считалась лишь та, которая умела «принять своих подруг, пришедших к ней на посиденки, и угостить» их должным образом²⁹.

Женские «собрания» в XVIII — первой половине XIX в. бывали и в праздничные дни, приходящиеся на нестрадный период года. Здесь угощались не только «яствами», но и медовухой, пивом, травником. Встречались небольшими компаниями, состоящими из родственников или приятельниц; термин «посиденки» на эти встречи не распространялся³⁰.

Гостьба по праздникам — в период с октября по начало марта (да и в другое время года) — была важнейшим развлечением для всех деревенских жителей, в особенности для людей среднего и старшего возраста. «Большие» праздники в пределах волости праздновались по очереди во всех деревнях: в «очередную» деревню «на веселие» съезжалась масса окрестного люда (отсюда название — *съезжий праздник*). Очередь в XVIII — первой половине XIX в. уже определялась традицией³¹. В Бурлинской волости на Алтае, например, таким образом праздновались покров, михайлов день, филиппово заговенье, рождество, крещение, масленица, петров день и ильин день (шесть первых праздников приходились на октябрь — март). Местный крестьянин П. Школдин оставил описание съезжего празднества, называемого им «общественным форумом»: «Около полден, нарядившись в лучшую одежду, гости с хозяевами сходятся на один конец деревни, составляя к вечеру разноцветную толпу от 100 до 300 человек и более обоего пола... Молодой хозяин, хозяйка или другой член семейства выбирает в толпе кого желает угостить и отправляет в дом, а сам продолжает вербовать гостей... В доме вошедших радушно принимают, усаживают за столы, и начинается угощение»³². В Ялуторовском округе (40-е годы XIX в.) приезжих гостей встречали на крыльце или у ворот («смотря по состоянию, родству и вообще важности гостя») и приветствовали каждого низкими поклонами, а также словами: «Милости просим к нашему убожеству хлеба-соли кушать!»³³. С «величайшими ужимками, застенчивостью и отговорками», как того требовала народная этика, принимались гости за «кушанье». «Когда все, по возможности, в этом доме погостили, — пишет Школдин, — переходят к следующему, и так до другого конца деревни, и, если она большая, то употребляют на это два и три дня»³⁴. Впрочем надо заметить, что молодежь сразу же после угощения в первом доме покидала «гостевые» собрания. Поскольку съезд крестьян обычно сопровождался ярмаркой, парни и девушки сначала посещали ее, а затем, если погода благоприятствовала, гуляли до позднего време-

²⁷ Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива РГО, в. III. Пг., 1916, с. 1039, 1040; Н. П. Григоровский. Указ. раб., с. 16, 17, 25; его же. Очерки Нарымского края. — «Записки Зап.-Сиб. отдела РГО», кн. 1, с. 3; АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 16.

²⁸ Н. П. Григоровский. Крестьяне-старожилы Нарымского края, с. 17.

²⁹ Н. П. Григоровский. Очерки Нарымского края, с. 3.

³⁰ Центральный Гос. архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 1402, оп. 1, д. 11, л. 124; Х. Мозель. Указ. раб., с. 555, 556.

³¹ Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-населенники Томского края. Томск, 1898, с. 106; Ф. Зобнин. Указ. раб., с. 41; Грыцко. О Сибири. — «Современник», т. 72, № 12, 1852, с. 192; АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 48, 49; р. 62, оп. 1, д. 2, л. 2—2 об.; ЦГАДА, ф. 629, оп. 1, д. 33, л. 1—3; Тф ГАТО. ф. 156, оп. 22, д. 698, л. 11; Гос. архив Новосибирской области (далее — ГАНО), ф. 105, оп. 1, д. 2, л. 305—307 об.

³² П. Школдин. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости. — «Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства», 1863, кн. 1, с. 40.

³³ К. Голодников. Ялуторовский округ губернии Тобольской. — «Журнал Министерства внутренних дел», 1846, ч. 15, с. 516—529.

³⁴ П. Школдин. Указ. раб., с. 40, 41.

ни «на улицах», либо молодые хозяева приглашали приехавших на вечерку³⁵. «В это время,—замечает П. Школдин,—...и заводятся между молодыми людьми задушевные связи, оканчивающиеся браком...»³⁶.

Между тем старшие в своих компаниях «забавлялись» беседами, песнями, плясками, играми³⁷. Когда на праздничном съезде гостей присутствовали представители аборигенов, то звучали не только русские, но и «остяцкие», татарские песни. «На праздники к русским,—пишет, например, священник Тобольского уезда И. Бедняков,—приходят и татары, и когда сии последние запоют свою песню, в которой упоминается Ермак, почитаемый ими завоевателем, то плачут, а русские хохочут. И тут у пьяных как русских, так и татар и разобрать нельзя, ссора ли или дружественные разговоры происходят»³⁸. Вообще на крестьянские праздничные собрания свободно могли являться местные служилые, мещане, священники, ссыльные поселенцы, случайные проезжие, коренные нерусские жители — всех их ожидало соответствующее возможностям хозяина дома угощение³⁹. Сказывались в данном случае и специфика взаимоотношений разных сословных групп в Сибири — отсутствие резких границ между ними, и сила идущих из прошлого обычаев, в частности обычая гостеприимства. «Старое русское хлебо-солство,—заметил о тюменских крестьянах Ф. Бузолин (середина XIX в.),—сохраняется в своей первобытности»⁴⁰, и его поддерживают в этом отношении другие наблюдатели — авторы описаний разных округов Западной Сибири⁴¹.

Широкая представительность сельских праздничных собраний способствовала тому, что на них происходил активный взаимообмен различной информацией, опытом, знаниями. Это положительным образом сказывалось на различных сторонах жизни сибирского крестьянства, а также на развитии его классовой борьбы. Можно привести в качестве примера события 1842 г. в Шадринском уезде. На весенний праздник великомученика Георгия здесь всегда происходил большой съезд гостей в с. Томакульском. В 1842 г. праздник начался особенно «весело и шумно». Однако вскоре собравшихся взбудоражил пущенный кем-то слух о том, что шадринские хлебопашцы переведены в разряд крепостных — «проданы какому-то барину и что их сельския власти получили уже приказание о сборе с них огромных повинностей разного рода». Началась немедленная расправа крестьян с местным сельским начальством — «за продажу народа». «Бывшие у праздника крестьяне,—сообщает очевидец,—разнесли весть о происшедшем по окрестности», и вслед за этим по всему уезду развернулось широкое антиправительственное движение⁴².

На «гостевых» собраниях крестьяне делились новостями, рассказывали былички, сказки, сообщали собеседникам различные приметы, заговоры. В 1751 г. житель с. Созоновского Иван Надворный, обвинен-

³⁵ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 49; С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири, с. 60; П. А. Городцов. Указ. раб., с. 13.

³⁶ П. Школдин. Указ. раб., с. 41.

³⁷ АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 3; ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 22, д. 698, л. 11; ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 28, л. 34.

³⁸ АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 3—3 об.

³⁹ Центральный Гос. исторический архив (далее — ЦГИА), ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 20; АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 3—3 об.; ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 2, л. 215, 358—358 об.; ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 22, д. 698, л. 11; Г. Потанин. Полгода в Алтае, с. 61—134; Н. Черняковский. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии.—«Журнал Министерства внутренних дел», 1843, ч. 2, с. 239.

⁴⁰ АГО, р. 61, оп. 1, д. 9, л. 5 об.

⁴¹ Г. Потанин. Полгода в Алтае, с. 245; К. Голодников. Указ. раб., с. 516, 517; Н. Черняковский. Указ. раб., с. 239; «Живописное путешествие по Азии...», с. 112; П. Школдин. Указ. раб., с. 39; АГО, р. 61, оп. 1, д. 12, л. 15; д. 23, л. 41, 47 об.—48; А. Третьяков. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении.—«Журнал Министерства государственных имуществ», 1852, ч. 45, № 12, с. 193.

⁴² А. Зырянов. Шадринский уезд в апреле 1842 года.—«Пермский сборник», кн. 2. М., 1860, с. 13—21.

ный в «волшебстве», признался, что, еще когда находился он «в молодых летах, случилось быть приезжему из обывателей для лечения лошадей коновалу, и в праздничную пору при питье в разных разговорах по прозбе ево он учил на словах, от которого те привороты он и перенял. А кто оной коновал, как ево зовут и откуда жителством, того он не знает»⁴³.

В играх, которыми развлекались во время праздников старшие, воспроизводились некоторые обрядовые действия. Так, в доме у ямщика дер. Тюлиной (Самаровское ведомство, 1759 г.) Алексея Хозяинова в присутствии гостей было совершено «по чиноположению церковному» шутиливое венчание Иакова Соскина: поставили «некакие деревянные куклюшки, около которых то действие чинили... избрав... в невесту из самарских же ямщиков жившаго в той деревне Тюлиной... в работе человека». Роль священника сыграл местный житель Федор Губин («славянороссийской грамате ученой и читать умеющий»), тысяцкого — брат хозяина дома Тихон, дружек — сам хозяин и другой его брат Семен. «В лице родительском» выступили родственник Алексея Семен Иванов Хозяинов и вдова Ксения Чукриева. Свахами назначили жен Алексея и Тихона Хозяиновых. «По окончании же того ими отправлявавшегося бракосочетания, будто б по обычаю жениха с невестой во особливоый покой положили, при чем яко та невеста... по их, Хозяиновых, велению бил показанного... Соскина конскою плетью». «А напредь того, — завершал свой донос в духовное правление родственник Соскина, — теми же меры, таковое ж действие они, Хозяиновы, учинили над самаровским ямщиком Иваном Андреевым Кузнецовым». Сам Соскин на следствии показал, что его венчание в доме Хозяиновых «произходило за благошпакурство»⁴⁴.

Жители дер. Грачевой Исетского ведомства на празднике решили «окрестить» заново односельчанина Ивана Грехова. Когда развеселившаяся компания шла из дома Грехова к разночинцу Гурию Кайгородову, «женка» Екатерина Кривоногова подобрала на дороге «щепу, на которую привязана была веревочка, и, назвав оную щепу... крестом, подала... Грехову», а притом говорила: «На ты ко де тебе, кум, крестик, а быть ты мне кресник». Грехов привязал «тое щепу за рубашной пояс». В доме Кайгородова, а потом и «стоящим на улице людям» он показывал, «роспахнув полы», свой «крест» («Тепере де... ввели в крещеную веру младенца», — шутил Грехов) и именовал Екатерину Кривоногову собственной «крестной матерью». Во время празднества родилась еще одна «забава»: «сидючи» у Кайгородова, Грехов стал балагурить и «на шутках крычал по-младенчески», заявив, что его, «малова робенка», «изурочил» односельчанин Федор Мельников. Бывшие здесь же «женки», «смеясь оному», говорили Мельникову, чтобы он «от уроков наговорил на воду и... Грехова... излечил» («Понеже де ево, Мельникова, — показывали на следствии позднее крестьяне, — для наговоров от уроков и прежде во многие дома призывали»). Мельников, решивший поддержать игру, взял в «черепен» воды и, «оборотяся к стене лицом, шептал и плевал на ту воду... потом повалил оного Грехова со скамьи вверх чревом и тою нашептанныю водою облил». «Излеченный младенец» под смех жены и остальных гостей «вскочил и говорил, что де на здравие з гоголя вода, а с меня де худоба, уроки и призоры на темные лесы...»⁴⁵. Крестьянские игры, таким образом, копировали реальные жизненные ситуации; они составляли один из элементов народной «карнавальной» культуры, великолепно проанализированной на сибирском материале М. М. Громыко⁴⁶.

⁴³ ТФ ГАТО, ф. 156, 1751 г., д. 57, л. 8 об.

⁴⁴ Там же, 1761, г., д. 67, л. 1, 2.

⁴⁵ Там же, 1754 г., д. 72, л. 1 об. — 24.

⁴⁶ М. М. Громыко. Указ. раб., с. 83—130.

Важнейшим элементом «карнавальной» культуры являлись также сценки, разыгрываемые на рождественских праздниках и в начале января — на святках — ряжеными⁴⁷. В Сургутском уезде наибольшей популярностью пользовалось исполнение отрывков из народных драм «Царь Максимилиан» и «Ленивый барин» (в XIX в.)⁴⁸. В с. Самарове Тобольского уезда ряженые назывались «слушаньем». «Жители всех возрастов, но преимущественно парни, — пишет один из коренных самаровцев, — наряжаются в различные костюмы и надевают причудливые иногда „личины“. Это „слушальники“» (маскированные). В трескучий мороз они бегают из одной избы в другую, где их принимают, и, изменяя голос, походку и манеры, стараются насмешить хозяев и остаться неузнанными, хотя последнее удается редко»⁴⁹. Празднование рождества и нового года включало и другие «забавы». На рождество молодежь «славилась». «Нас собиралось человек восемь, — вспоминал Х. Лопарев, — устраивали мы большую разноцветную звезду, ходили после заутрени до обедни чуть ли не по всему селу и славили Христа, причем вращали звезду вокруг ее оси. После пения один из нас, „сказывал рацею“; рацей было несколько; помню самую краткую, которую говорили мы в детстве: „Аз, маленький хлопчик, скочил на столчик, в дудочку играл, Христа проздравляя; здравствуй хозяин с хозяйшкой на многия лета!“»⁵⁰. Дети обоего пола «не свыше 12 лет», по наблюдению каинского священника П. Шалабанова (1848 г.), «накануне Нового года в сумерки или приспевшей темноте» подбегали к окнам домов и при этом пели по «языческому обряду самым высоким голосом какую-то каледу»⁵¹.

Особенно много разного рода «увеселений» было в западносибирской деревне на масленицу, приходившуюся (по новому стилю) на вторую половину февраля — начало марта⁵². Помимо обычного праздничного развлечения — бесед, угощения и пр. устраивался уличный «карнавал», центральным событием которого было появление «госпожи Масленицы». «Делают Масленицу так, — сообщает священник из Каинского уезда П. Шалабанов, — запрягают лошадей в сани или дровни, оныя кругом обшиваются помочами и худыми рогами. Здесь, внизу Масленицы, находятся музыканты, стоя на ногах и утешая зрителей, играют в скрыпки, балалайки, гармонии и бубны. В средину саней утврждаются аршин 8 жердь, вверху оной находится крепко и безвредно привязанное колесо, а на сим и присудствует самая госпожа Масленица, т. е. человек, одетый в самую смешную одежду, вымаранный сажей»⁵³. В некоторых селениях по Верхней Оби рядом с музыкантами помещались «генералы» и «фетьмаршалы», одетые в разноцветные старинные мундиры, изготовленные из разных подсобных материалов. Коней «украшали» венниками и помелами, а впереди «колесницы» с «госпожой Масленицей» шествовали «две уродливые фигуры, представляющие старика и старуху». Костюм «старика» был увешан мертвыми зайцами, воробьями и воронами; приплясывающая «старуха» вертела «на руках соломенную чучелу», изображавшую грудного младенца⁵⁴. Чучело, изготовленное из тряпья, соломы, сена, присутствовало в масленичных

⁴⁷ М. М. Громыко. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII—XIX веков. — «Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII—начала XX в.». Новосибирск, 1975, с. 72, 73; АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 50 об.

⁴⁸ С. Швецов. Указ. раб., с. 83.

⁴⁹ Х. Лопарев. Указ. раб., с. 120.

⁵⁰ Там же, с. 142.

⁵¹ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 22—22 об.

⁵² Подробно о масленице см.: М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 93—122; В. К. Соколова. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, М., 1979, с. 11—67.

⁵³ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 22 об.—23.

⁵⁴ А. Широков. Сибирский карнавал. — «Маяк», т. 17, 1844, с. 51.

шествиях и в других районах Западной Сибири, причем в заключение «карнавала» оно подвергалось публичному растерзанию⁵⁵. «Госпожа Масленица» забавляла толпу крестьян-зрителей «безобразными гримасами и разными напевами, начав прежде всего пением кукареку, лаем собаки, мяуканьем кошки». Масленичный «поезд» совершал объезд деревни, останавливаясь у домов зажиточных «обывателей». Пение, пляски, «клики веселья» у ворот продолжались до тех пор, пока хозяева не высылали «Масленице» и ее сопровождающим вина и денег⁵⁶. «Нужно ли говорить,— замечает житель с. Сузунского А. Широков,— до какой степени смех одолевает глазающих на эти забавы сибиряков»⁵⁷.

Во время празднования масленицы разыгрывались и другие сцены, произносились сочиненные самими крестьянами стихотворные тексты, исполнялись «старинки» — песни былинного характера⁵⁸. В станице Чарышской на Алтае в масленичную неделю по улицам «разъезжала» установленная на колеса «лодка с гребцами, стрельцами и другими комедиантами...»⁵⁹. В программу праздника повсюду входило катание на лошадях по деревне и на санках с ледяных гор⁶⁰. «Мушину, а особливо молодые парни,— пишет о ялutorовских крестьянах Н. Абрамов,— делают из снега и обливают городок со стенами в виде крепости. В воскресенье, т. е. в прощенный день, берут этот городок...»⁶¹. Строили и брали приступом на масленицу снежные городки также в деревнях по Верхней Оби, в Тюменском округе⁶². Особенно шумно и весело проходила масленица в тех волостях, где она включалась в число съезжих праздников. Исследование символики календарных праздников (как и подробное их описание) — задача, выходящая за рамки нашей статьи; отметим лишь, что многие «действия» крестьян на рождество, на святки и на масленицу уже в XVIII — первой половине XIX в. не имели обрядового смысла, а выполняли эстетическую, развлекательную функцию.

В осенне-зимний сезон крестьяне часто ходили и ездили друг к другу в гости и в будние дни. В своей деревне «на беседу» — «по родству», «по свойству», «по суседству» — являлись обычно по вечерам (не случайно это время суток называлось в сибирской деревне «сиднем»⁶³). Собирались мужскими, женскими, а чаще смешанными компаниями. Число собравшихся бывало различным: от двух до пяти и более человек⁶⁴. В будни ездили в другие деревни для свиданий с родственниками, свойственниками, знакомыми⁶⁵. Как правило, являлись в гости незваными, но иногда хозяева специально приглашали кого-либо к себе. «Любезная наша матушка, усердно просим, не могли сына своего забыть... побывай хотя не на долгое время... тому очень будем рады...», — писал Окулине Анисимовой Ереминой (дер. Илкова, Алтайский горный округ, 1795 г.) ее сын из соседней деревни⁶⁶. Приглашали приходиться и даже приезжать не только родственников.

Беседы, которые велись во время таких будничных встреч, имели самое различное содержание: крестьяне делились последними новостями,

⁵⁵ М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 100, 111.

⁵⁶ А. Широков. Указ. раб., с. 51, 52; АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 23.

⁵⁷ А. Широков. Указ. раб., с. 53.

⁵⁸ М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 100—121.

⁵⁹ Г. Потанин. Полгода в Алтае, с. 259.

⁶⁰ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 49—49 об.; А. Широков. Указ. раб., с. 50; П. А. Городцов. Указ. раб., с. 15; Т. Успенский. Указ. раб., с. 36.

⁶¹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 49 об.

⁶² См. подробнее: М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 120—122.

⁶³ Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении, с. 119.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 833, оп. 2, д. 27, л. 2; д. 50, л. 2—2 об.; ф. 1401, оп. 1, д. 3, л. 115; д. 18, л. 81—84; ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 2, л. 46; д. 12, л. 151; Н. П. Григоровский. Крестьяне-старожилы Нарымского края, с. 5.

⁶⁵ ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 153—156; ф. 109, оп. 1, д. 1, л. 223—224.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 48, л. 904.

горестями, надеждами и планами, получали и давали советы, «обсуждали» своих односельчан. Все это образно передано в записи деревенского «разговора», пересланного в 1848 г. в Русское географическое общество из Тобольского округа⁶⁷. Будничные встречи могли сопровождаться «пиром». В 1766 г. жительница дер. Новонисейской (Алтайский горный округ) Федосья Замятина рассказывала на следствии, что «сентября 18 числа» из дер. Пещанской прибыли к ней в дом (по «зову мужа» ее Никиты) крестьяне Трофим Березовиков и Петр Поклонов. Сам Никита в этот день оказался в отъезде, а Федосья «поила» гостей пивом, «и песни они пели». Скоро, правда, живший по соседству брат Никиты Данило Замятин, сочтя «за непрстойность», что «невеска» его «без мужа своего завела банкет», с помощью племянника Афанасия выдворил «пещанцев» восвояси⁶⁸.

Были у крестьян в свободное от полевых работ время и другие развлечения. «Немало удовольствия в зимние вечера,— пишет о Шадринском уезде Т. Успенский,— доставляет собравшейся семье крестьянин старик-сказочник»⁶⁹. И так обстояло дело не только в деревнях Зауралья. Рассказывались при этом также «бывальщины», «побасенки»; дети упражнялись в разгадывании загадок⁷⁰. Грамотные крестьяне заполняли свой досуг чтением книг. Страсть к чтению, например, с детских лет была присуща Александру Зырянову, родившемуся в 1830 г. в семье крестьянина с. Верхний Яр Шадринского уезда. В 12—15 лет Зырянов уже сам начал сочинять «разные заметки» о родном крае⁷¹. «...Грамотники есть из обоих полов и читают разные церковные книги»,— заметил о своих земляках алтайский крестьянин П. Школдин⁷².

С наступлением весеннего тепла у молодежи в часы досуга любимыми становились встречи на открытом воздухе. По словам С. Гуляева, с первого дня пасхальной недели и до троицы девушки и молодые женщины вместе с парнями пели на улицах песни «от вечерен до поздней ночи»⁷³. На пасху устраивались на козлах или огородных воротах веревочные качели— качание на них повсеместно было одним из любимых развлечений молодежи⁷⁴. «По окончании светлой недели,— сообщает один из авторов,— качели, большею частию, снимаются и уже не устраиваются до следующей пасхи»⁷⁵. Надо сказать, что пасха отмечалась крестьянами довольно скромно: у старших дело ограничивалось «гостьбой», угощением. Правда, в некоторых селениях в этот праздник женщины, «одетые в лучшее платье», ходили гулять «на природу»⁷⁶.

Традиционным развлечением девушек и молодых женщин (сохранявшим в рассматриваемый период определенное религиозное содержание) были коллективные выходы в лес в семик и троицу⁷⁷. «Здесь семик,— пишет наблюдатель И. Зубов (1848 г.) о крестьянах с. Сладковского Акмолинской области,—... молодые люди в немалом проводят праздновании. В этот день девки наряжаются в разное, иногда и мужское платье, ходят в лес с песнями и другими забавами и там, завивая на березах венки, оставляют их до Троицына дня, в который опять собираются хорово-

⁶⁷ АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 3 об.—8.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 18, л. 87; д. 19, л. 327—328.

⁶⁹ Т. Успенский. Указ. раб., с. 36.

⁷⁰ Там же; Ф. Зобнин. Из года в год. (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа).—«Живая старина», в. 1, 1894, с. 63; С. Гуляев. О сибирских круговых песнях, с. 55, 56.

⁷¹ А. Дмитриев. Писатель-самоучка Александр Никифорович Зырянов. Казань, 1885, с. 3, 4.

⁷² П. Школдин. Указ. раб., с. 41.

⁷³ С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири, с. 60.

⁷⁴ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 50; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 23.

⁷⁵ Х. Мозель. Указ. раб., с. 540.

⁷⁶ Г. Потанин. Полгода в Алтае, с. 259.

⁷⁷ См. подробно: М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 93—122.

дом и ходят снимать те венки, с которыми возвращаясь, поют песни и пляшут...»⁷⁸. Каинские «девки и молодые бабы» ходили в лес «при бинении в сковороды»⁷⁹.

Троица отмечалась крестьянами всех возрастов. В некоторых селениях на троицу бывали съезжие праздники⁸⁰. «Развеселившись» пивом и вином, мужчины и парни обращались к «гимнастическим забавам»: боролись, перетягивались на палках⁸¹. В челобитной, поданной в 1737 г. в Чаусскую судную избу (Томский уезд), крестьянин Лука Руднев сообщал, что 29 мая был он с братом Саввой в дер. Юнской «у праздника Троицына дни» в доме Якова Мальцева, а когда вышел «из избы на улицу, и на улице называл» его беломестный казак Алексей Глухих «с собою боротца». «И я с ним, Глухих.— продолжал челобитчик,— на борьбу не пошел и отговаривался, боротца де я не умею и не борюсь, и оной Глухих за то меня ударил кулаком по глазам и говорил, мне де и пять рублей не беда»⁸² (чтобы уплатить штраф за драку.— Н. М.). В крестьянских «гимнастических забавах» могли участвовать не только служилые, но и местные мещане, деревенские священнослужители. «Бывало, попы в праздник разгуляютца,— говорится, например, о Тобольском округе (1848 г.),— так любо посмотреть, не узнашь, кто поп, кто дьячек, кто мужик, все равны; а... тут примутца все боротца либо на палке тянутца»⁸³. Боролись и перетягивались «на палке» мужчины всех возрастов как на троицу, так и в другие летние праздники⁸⁴.

Распространенной формой молодежного гулянья, начиная с троицы, по праздничным и воскресным дням были *хороводы*. «По вечерам,— сообщает Ив. Мевес, путешествовавший по Сибири в 1858—1861 гг.,— мы часто встречали в деревнях хороводы. Песни сибирячек отличаются своей монотонностью; поют оне полутонем, и незаметно в них тех бабьих взвизгиваний, которые составляют принадлежность наших деревенских мелодий. Широкоплечия, породистые девки, заплетавшие хоровод, так же переглядывались с парнями и так же смело за неловкое пожатие руки или чего-нибудь другого награждали обожателей затрещинами»⁸⁵. Хороводы водили либо за деревней — в поле, на лугах, за околицей, либо на особом «сводном» месте — «на мураве» — в самой деревне, а иногда просто на деревенской улице («у ворот той девушки, которая царницей в хороводе»). Участвовали в них девушки, парни, а также молодые женщины и мужчины⁸⁶. «Играющие» брались за руки, становились в круг и под песню начинали «ходить в одну которую-нибудь сторону, скоро или медленно, смотря по тексту песни»⁸⁷. Сохранилось немало записей хороводных песен сибиряков⁸⁸.

«...Ходили мы с миленьким по садичку,
Сорвали со хорошеньким по яблочку,
Разрушали,

⁷⁸ АГО, р. 66, оп. 1, л. 4.

⁷⁹ Там же, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 23.

⁸⁰ Ф. *Зобнин*. Усть-Ницынская слобода Тобольской губернии, с. 140; ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 29.

⁸¹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 49; ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 21.

⁸² ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 8, л. 186.

⁸³ АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 5 об.

⁸⁴ Там же, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 49; ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 21; Ф. *Зобнин*. Из года в год, с. 53.

⁸⁵ И. *Мевес*. Три года в Сибири и Амурской стране.— «Отечественные записки», 1863, т. 148, кн. 5, с. 258.

⁸⁶ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 49; р. 62, оп. 1, д. 27, л. 1 об.; ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 211; Г. *Потанин*. Полгода в Алтае, с. 259; *Переселенец*. О землевладении в Сибири.— «Русская беседа», 1860, т. 1, кн. 19, с. 124; Х. *Мозель*. Указ. раб., с. 556.

⁸⁷ С. *Гуляев*. О сибирских круговых песнях, с. 58.

⁸⁸ Там же, с. 58—72; Х. *Лопарев*. Указ. раб., с. 125—134; Г. Н. *Потанин*. Юго-западная часть Томской губернии, с. 62—66.

Вместе скушали.
Сошлись, поклонились, поздоровались:
Здорово,
Черноброва.
Здравствуй, ягода моя,
Здравствуй, милая моя,
Поцелуй, радость, меня»,—

пели в хороводе одну из своих любимых песен крестьянки с Самарова. «В конце 70-х годов при этих словах,—вспоминал их односельчанин Х. Лопарев,—я невольно смеялся и спрашивал песенниц: „Как же это? Сначала покушали, а потом здороваться стали?“ Но на замечание мое не обратили внимания: „Разве можно изменять то, что передано чуть не с молоком матери”,—казалось, можно было прочесть в глазах их»⁸⁹.

Многие хороводные песни связаны с играми. Играли «в подушечку»: одна из девушек «ходила» в пляске с платком в руке внутри сомкнувшегося круга, а остальные пели:

«Молодушка, молодушка,
Ты же молодая!
Подушечка, подушечка,
Ты же пуховая!
Кого любишь, кого любишь,
Того поцелуешь,
Пуховую подушечку тому подаруешь».

Девушка отдавала платок кому-либо из парней и целовала его⁹⁰. Случалось, хоровод делился на женскую и мужскую половины. «Каждая половина,—сообщал собиратель,—поет попеременно таким образом, что пение одной половины составляет предмет вопросов, а другой ответы, и во время вопросов и ответов обе половины то сходятся, то отступают»:

«Вы бояре! Вы зачем пришли?
Молодые! Вы зачем пришли?
Княгинюшки! Мы невест смотреть,
Молодые! Мы хороших выбирать».

Парни показывали «жениха» девушкам, а те приглашали «бояр со всем их поездом в терем»⁹¹.

Хороводных игр было много; их отличало искреннее веселье, отсутствие «принужденности, чопорности и натянутости»⁹².

В летние праздники молодежь находила и другие развлечения. Были распространены *скакули*: на деревянный «отрубок» клали доску «аршин пяти», по концам этой доски становятся «по девице и скачут попеременно»⁹³. Еще в середине XVII в. верхотурский воевода писал, что в Сибири «жонки и девки на досках скачут»⁹⁴. Девичьей забавой являлась также игра в *запуска*: по крику собравшихся в кружок участниц «Чур, не догонишь!» все, за исключением одной, разбегались в разные стороны с «изворотами и увертками», а последняя должна была ловить их. Пойманная заступала место поймавшей⁹⁵.

⁸⁹ Х. Лопарев. Указ. раб., с. 130.

⁹⁰ АГО, р. 55, оп. 1, д. 36, л. 3 об.—4.

⁹¹ Там же, л. 3—3 об.

⁹² Х. Лопарев. Указ. раб., с. 125.

⁹³ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 50—50 об.; «Замечания о Сибири».—«Московский вестник», 1830, ч. 5, с. 129.

⁹⁴ Н. А. Костров. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876, с. 8, 9.

⁹⁵ АГО, р. 55, оп. 1, д. 36, л. 1—1 об.

Разлукой девушки играли вместе с парнями. Участники выстраивались попарно в длинную шеренгу, а кто-то один становился впереди шеренги — на некотором от нее расстоянии. По сигналу юноша и девушка из замыкающей пары должны были пробежать по обеим сторонам шеренги и, обогнув ее, схватиться за руки прежде, чем «разлучник» поймает или заденет кого-либо из них. Если это удавалось, неразлученная пара становилась впереди шеренги, и все повторялось сначала. Если же «разлучник» успевал «очикать» одного из бегущих, он оказывался в паре с «очиканным», а непойманный игрок занимал его место. «Разлучник — парень, — пишет Х. Лопарев, — преимущественно старается очикать девушку, чтобы стоять с нею рядом, равным образом и наоборот»⁹⁶.

Для мальчиков и юношей обычными являлись игры в бабки, в чехарду, в свайку, в городки и разнообразные игры с мячом⁹⁷. На летние праздники (особенно петров день, ильин день) крестьяне часто приглашали гостей, во время празднования царило «большое веселье»⁹⁸. В Западной Сибири это было традицией, кроме того, нужна была разрядка, чтобы восстановить силы, необходимые для тяжелой летней работы. Однако так было не везде. «Я остался под односторонним впечатлением алтайского лета, — пишет Г. Потанин, проживший в 1856 г. несколько месяцев в станице Чарышской, — все семьи заняты в это время полевыми работами, уходом и уборкой хлеба, сена, овощей и пчел, припасанием дров, рыбной и отчасти звериной и птичьей ловлями; в короткое алтайское лето некогда совершать празднества; ...изредка на улице составит хоровод и то не иначе, как по случаю чьей-нибудь помочи...»⁹⁹. В других деревнях *помочи* случались часто: многие из крестьян обращались к соседям за помощью в сельских работах: в уборке хлеба, заготовке сена и пр. «В работах один другому взаимно помогают охотно, — пишется, например, о ялutorовских крестьянах (1818 г.), — и это называется *помочью*»¹⁰⁰. Помочи были распространены по всей Западной Сибири¹⁰¹. По завершении работы хозяин «из благодарности» устраивал для помочан *вечер*, который иногда продолжался «и во всю ночь в пировании и плясках, при пении песен» — все «отправлялось» подобно тому, замечает наблюдатель, как «отправляются сдесь годовые и местные праздники»¹⁰². Сибирское начальство не раз пыталось запретить помочи, но искоренить этот крестьянский обычай, соединявший в себе труд и отдых, ему так и не удалось¹⁰³. Близкой по характеру к помочи была такая форма коллективного проведения досуга, как выезд большими группами или даже целыми деревнями в лес за ягодами, грибами, орехами. Во время таких поездок устраивали обычно игры, пели песни. Г. Потанин назвал время сбора кедровых орехов «самым поэтическим сезоном алтайского крестьянина»¹⁰⁴.

Гостьба (да еще с выпивкой) в будни в период страды почти исключалась. Крестьяне осуждали тех своих односельчан, которые тратили драгоценные летние дни на бездумное пьянство. «Пирующих в будни... можно полагать не более 3-х на 500 человек, — пишет о шадринских хле-

⁹⁶ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 49; Х. Лопарев. Указ. раб., с. 136.

⁹⁷ См. их описание: М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 326, 327; Х. Лопарев. Указ. раб., с. 134—136.

⁹⁸ Х. Лопарев. Указ. раб., с. 124, 125; П. Шкодин. Указ. раб., с. 40; ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 18, л. 286; д. 21, ч. II, л. 656; Ф. Зобнин. Из года в год, с. 41.

⁹⁹ Г. Потанин. Полгода в Алтае, с. 258, 259.

¹⁰⁰ ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 20 об.

¹⁰¹ АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 47; ГАНО, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 10; ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 43, л. 66; Х. Лопарев. Указ. раб., с. 140; Т. Успенский. Указ. раб., с. 37; М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 77—79.

¹⁰² ЦГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 1, л. 20, 21.

¹⁰³ ГАНО, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 10; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 50.

¹⁰⁴ Г. Потанин. Полгода в Алтае, с. 70, 71; М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 222—226.

бопашцах А. Третьяков (1852 г.), — такие люди обыкновенно терпят общее презрение и каждому из них дано какое-либо поносное уличное прозвище»¹⁰⁵.

В целом можно заключить, что особенности сельского производства при феодализме приводили к тому, что, с одной стороны, досуг не был полностью разграничен с трудовыми занятиями, а с другой — к неравномерному календарному распределению свободного времени у крестьян: основная доля развлечений приходилась на праздничные и нестрадные дни. Формы проведения досуга в сибирской деревне не отличались особым разнообразием. Существенная дифференциация прослеживается в этой сфере лишь применительно к разным возрастным группам — развлечения молодежи оказывались более разнообразными.

Крестьянские «увеселения» в XVIII — первой половине XIX в. выполняли важную социальную роль: они были направлены на восстановление сил непосредственного производителя, способствовали консолидации родственных общностей, общины и являлись одной из форм реализации функции общины как носительницы общественного мнения, хранительницы культурных и трудовых традиций. Характерное для деревенских праздничных «сборищ» отсутствие сословной замкнутости положительно сказывалось на развитии этих традиций.

LEISURE AND AMUSEMENTS OF WEST SIBERIAN RUSSIAN PEASANTS IN THE 18th AND THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

The specificity of agricultural labour made for the heavy influence of seasonal change over the leisure periods of Siberian villagers in the 18th and early 19th centuries; the clear-cut calendar distribution of village «amusements» was due also to the influence of pagan traditions and the Orthodox church. Owing to the limited amount of free time at the disposal of the village toilers at a time when subsistence economy was predominant, the boundaries between leisure time and that of productive activity were not completely defined. Under the communal organization of the peasantry, collective forms of spending leisure time had become paramount; some of the forms involved all the generations, others — only individual age groups of the village society. The levelling influence of the community (*obshchina*) ruled out social differentiation in this sphere of peasant life. Although, owing to the general conditions prevailing in the period, village leisure was wholly dominated by its entertainment aspect, still at the same time participation in festal assemblies («s'yedzy»), in round dances («khorovody»), in evening amusements («zabavas»), chats («besedas») etc., and, finally, book reading (as well as the work process itself) led to the widening of the Siberian peasant's outlook, to his assimilating the people's accumulated cultural values.

¹⁰⁵ А. Третьяков. Указ. раб., с. 193.